

Воспоминания

Первый коллектив Людмилы Коноваловой

Очередной документальный рассказ самодеятельного автора воскресит в памяти её современников послевоенные годы

На страницах «Магнитогорского металла» не раз публиковались очерки Людмилы Коноваловой. Сегодня читатели погрузятся в атмосферу трудного, полуголодного времени и нелёгкого труда, выпавшего на долю их прабабушек.

«В войну голодали, и после войны было голодно. В колхозе большинства женщин, половину мужиков война покосила. В конце года селянам досталось всего по 100 граммов ржи за трудодень.

– Ничего, проживём. Не война ведь. На картошке проживём, – соглашались колхозники.

А куда денешься? Конечно, не с радостью матери отправляют 12-летних девочек в город, в няньки, к своим знакомым или родственникам.

– В городе работают за деньги и хлеб чистый едят. Поживёшь, а там, глядишь, и у нас в колхозе наладится, – напутствовали они дочерей.

Подружки Зоя и Шура живут в няньках «за хлеб». Я окончила в городе семилетку, мне 14 лет. И теперь ой как почувствовала, что для семьи брата обременительна. Пошла в город наниматься в няньки. Но брат Николай, тракторист колхоза, участник войны, пожурил, мол, советовать надо, сестрёнка. Не забывай, я тебе вместо отца.

Через месяц Николай устроил меня на сезон весовщиком в МТС. Уборка урожая закончилась, и Николай нашёл сезонную работу в семенной лаборатории при МТС. Интересное оказалось дело, и коллектив очень понравился.

– В лаборатории и тепло, и светло, и все взрослые, грамотные и умные, – хвасталась родимой матушке, совсем неграмотной колхознице.

– Ну, и дай бог, работай, учись возле умных людей, уму-разуму набирайся.

Стала приживаться в коллективе. Начальник Шепилов Дмитрий Степанович и его жена Екатерина Сергеевна – агрономы сучёной степени. Шура Лапшина – агроном с высшим образованием, вдовасодатка, воспитывает сыночка. Шуручка-техничка, тоже вдова, растит дочку первоклассницу, от-

личницу. Шуручкам по 25 лет. Соня – лаборант. Ей уже 26!

– Ты хоть бы замуж вышла!
– Как ты молода! Я тебе завидую,
– ответила Соня с улыбкой.

Сонечка живёт в рабочем посёлке. У них свой дом, хозяйство. Отец и два брата погибли на войне.

– От горя парализовало мамочку, ещё молодую. Вот такая у меня жизнь, – как с подружкой, поделилась со мной Сонечка.

Зима. 1952 год. Морозно. Греем руки и спины у печки-голландки, протопленной весёлым человечком Шуручкой

– Девочки, вчера на танцах в железнодорожном клубе имела честь познакомиться с капитаном, – рассказывает Шуручка. – Такая напряжёнка с парнями! Продолжится ли знакомство, зависит от многого. Таких, как я, – штабелями клади, да и без «дovesков».

Входит начальник. Неразговорчив. Поздоровавшись, проходит за начальственный стол. Все занялись работой. Никаких разговоров до обеда. Проверяем семена ржи, пшеницы, овса, ячменя и льна на всхожесть, влажность, засорённость. В лабораторию приезжают, приходят из колхозов девушки-агрономы, иногда бывают и председатели, если не пешком, то на лошадке колхозной. Везут образцы семян в полулитровых бутылках, а мелкие семена, как лён, в чекушках. Глаша – агроном из колхоза «Заветы Ленина» – всегда пешочком. Добываясь кондиции семенного материала, девчонка-комсомолка поставляла образцы чаще других. Приносила разные семена с разных полей: и «мироновскую», и озимую пшеницу «Безостая-1».

– Опять не то! – чуть не плачет она, забирая лабораторный анализ из рук Шепилова. – Сколько можно доводить до кондиции? Причешут меня на бюро комсомола, как пить дать, причешут! Ведь я секретарь комсомола колхоза – правая рука председателя.

– Время ещё есть. Потрудитесь, справитесь, – успокаивает Дмитрий Степанович. – А щёлчков от комсомола ты, Глафира Фёдоровна,

не бойся. Это хорошо подстегнёт всех колхозников: не бросать же в землю некондиционное зерно.

Глашенька чаще всех появлялась с образцами, а её на бюро комсомола принародно могут «щёлкнуть»? Вот нашу комсомолку Лапшину никто не щёлкает. Стоит на учёте в МТС, платит копейные взносы и работает. А эта маленькая, худенькая Глашенька взвалила на себя весь колхоз. Сонечка любит и жалеет комсомолочку. Хотя и другие девушки-агрономы – члены ВЛКСМ или даже коммунистической партии. К Глашеньке все прониклись симпатией – упорная девчонка заканчивает «Тимирязевку».

– Снова подаю заявление, чтобы вступить в комсомол. Работаю и учусь в ШРМ, надеюсь, что достойно быть в комсомоле, – откровенничаю я с Сонечкой.

– Молодец, завидую!
Но меня и второй раз не приняли, и Сонечка вытирала мне слёзы.

– Почему не работаете в колхозе? – спрашивали меня на комиссии. – Ответила, мол, мне 15 лет. Деревня в четырёх километрах от города, но у нас нет ШРМ. В городе живу на квартире, работаю и по вечерам учусь в школе рабочей молодёжи. Люблю и хочу учиться.

Других девчонок быстро, без сучка и задоринки принимают. Первый раз приняли всех шестиклассников, а мне отказали, мол, верующая, и крест на груди.

– Успокойся, – Сонечка, как наставница, учит жить. – Никогда не пыталась вступить в комсомол, и без него можно честно жить и работать. Понимаю политику партии. Все решения министерства сельского хозяйства начальник доводит до нас, беспартийных.

После проверки семян Шуручка-техничка складывала пустые бутылки в чулан. Сдавала посуду, покупала мыло, спички. Была она мастерицей и на мизерную зарплату умудрялась прилично одевать дочку-отличницу.

– Дайте-ка бутылки, – просит экономная Глафира, – а то озимые не в чем будет нести.

Шуручка не любит, когда агрономы просят вернуть тару. Но ничего не поделаешь. Идёт в чулан, тащит в авоське четыре бутылки.

– Не пьют, что ли, в «Заветах Ленина»? – спрашивает Шуручка.

– А кому пить-то? – объясняет Глашенька. – Мужиков после войны мало. Одни бабы в колхозе. А если освободится бутылка в праздник, так найдут применение в своём хозяйстве: под керосин, под масло льняное. Посудой не разбрасываются.

Как я похожа на девчонок-агрономов, особенно на Глашеньку. Родилась и жила в деревне, видела жниц на поле, видела, как цепями вручную молотили просушенные в овине снопы ржи. Если рожь с устойчивым стеблем сжата в короткие сроки, значит, в поле колосков не оставлено. В снопах рожь просушена в овине, цепями обмолочена на гумне, значит, без потерь. Каждое зёрнышко сохранили. Если погода подвела и уборка затянулась этот день на 20, – колоски на стерне в поле остались и потери урожая велики. Тут уж партийные начальники из района укажут причину и накажут на всю катушку председателя колхоза.

В 14 лет, работая весовщиком, о зерне, урожае знала многое, а как готовить семена к посеву, не знала. Застала времена, когда зерно веяли старым дедовским способом. Из кучи черпали решетом, сеяли, чтоб мякина и мелкая фракция ушли. А рожь женщинам приходилось выбирать вручную. Когда колхоз после войны приобрёл механическую веялку, видела чистое зерно без мякны.

В Горьковской – ныне Нижегородской – области подзолистые почвы давали хорошие урожаи ржи. Теперь культивируют разные сорта ржи, и пшеницы. Вот Глашенька и готовит семена яровой пшеницы. Уже март, а она ещё не довела их до кондиции.

– Время ещё есть, – подбадривает начальник лаборатории Дмитрий Степанович.

Только в тёплую землю лягут её семена: в апреле или в мае. Всё зависит от погоды. Озимые Глашеньку радуют: зелёной щёткой выступает из-под оттаявшего снега рожь. Агроном и семена озимой ржи так же готовила. Все уверены, что яровую пшеничку она успеет довести до кондиции.

– Комсомолочка эта неугомонная, то везёт бутылки, то забирает, – ворчит Шуручка, наводя порядок в чулане. Посуда скапливается, и

Из архива «ММ»

меня, как младшую, командуют в магазин. Приспособились на бутылки брать хлеб развесной и баночку кильки пряного посола. Хлебный магазин мне, познавшей голод в войну, очень нравился. Здесь так вкусно пахло хлебом!

Молодая продавщица отрезает ломоть хлеборезкой и – на весы. Хлеб тяжёлый, горячий, липкий, но ароматный и вкусный

Шесть лет без войны, а хлебу не можем нарадоваться. В другом магазинчике купила баночку кильки. На обед пригласили Екатерину Сергеевну и ели чёрный ржаной хлеб с килькой. Вкусно! Хлеб режем ниткой, чтобы крошки не терять. Он вязнет на зубах, приклеивается к дёснам. Но как он вкусен – послевоенный чёрный ржаной хлеб!

Однажды, сдав бутылки, зашла в столовую и купила трёхлитровый бидончик пельменей с бульоном. Вкуснейшие, из мяса баранины, говядины и свинины. Даже Екатерина Сергеевна решила угостить мужа, унесла ему свою порцию. Хороший у нас коллектив. Сонечка всех любит, завидует, но по-доброму. Екатерине Сергеевне – что у неё есть муж. Шуручке Лапшиной, что имеет высшее образование, воспитывает сына. Завидует весёлости Шуручки-технички и радуется за её дочку-отличницу. А мне, как оказалось, завидует больше, чем кому-либо.

– Молодая. Учишься, а я как закончила семь классов, так десять лет с чашками Петри вожусь. Можешь поступить в школу рабочей молодёжи. Вон дяденьки 30-летние за парту сели. И майор, и капитан, и подполковник, и даже полковник в академии поступают. Не сидят на месте, как ты. Растут. Мечтают и добьются. После войны семьями обзавелись, отдохнуть принудили, а военкоматы учиться принудили. Жизнь у них интересная.

Прошло пять лет. Приехав в отпуск в родную деревню, не удержалась, прямо с поезда направилась в лабораторию. Поменяли вывеску, лаборатория стала госинспекцией по качеству семян Горьковской области Министерства сельского хозяйства. У Шепиловых родился сын. Шуручка Лапшина вышла большой, во всю стену ковёр, а её сын поступил в институт. Шуручка-техничка удачно вышла замуж, дочка уже училась в академии Тимирязева. У Сонечки – без изменений. Я живу в Магнитогорске, работаю токарем на ММК. Лаборатория – мой первый коллектив, в котором проработала два сезона, но помню о нём всю жизнь».

Подготовила
Ирина Коротких

Алина Кондратьева